

ОКАЗЫВАЕТСЯ, СИСТЕМА МАКАРЕНКО — САМАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ

Известия. - 2004. - 17 июля. - с. 10.

ИННА КЛЕНИЦКАЯ, педагог

70 лет назад Макаренко написал «Педагогическую поэму». Сегодня в России около тысячи школ макаренковского типа. Они полностью обеспечивают себя, продавая собственные товары — выпечку, сувениры, швейные изделия и даже мебель. Такие школы есть в каждом областном центре. Мы признаем: наши детские дома и интернаты не справляются со своими задачами (выпускники совершенно не приспособлены к жизни). Не достигает цели перевоспитания и большинство колоний для несовершеннолетних — велик процент рецидивов. Самое бы время сейчас воспользоваться опытом, системой Макаренко. Но, к сожалению, они почти забыты.

Распространился предрассудок, что педагогика Макаренко неприменима в наше время. Появились даже утверждения, что опыт Макаренко — «пример перевоспитания преступника, а не воспитания обычного ребенка» (Евг. Бунимович). Печальнее всего, что это высказывание принадлежит педагогу. Не менее опасный предрассудок — убеждение, что все дело в неповторимой личности создателя уникального детского учреждения. Все это происходит от поверхностного представления о системе этого педагога, от непонимания ее сути.

Система эта основана на трех взаимосвязанных принципах. Принцип первый: труд, от которого зависит реальное благосостояние ребят (качество питания, одежды, развлечения, экскурсии и т.д.). При этом у воспитанников должна быть возможность выбора, чтобы каждый мог найти дело по душе. Принципиально важно, чтобы плодами своего труда дети распоряжались сами. Отсюда — принцип второй: самоуправление. Организовать его без соблюдения первого принципа невозможно, потому что чем тогда все-раз управлять?

Принцип третий: коллективная ответственность. За проступок одного отвечает вся группа (отряд). Однако коллектив может быть заинтересован в дисциплине (а значит, и в осуждении ее нарушителя) только в том случае, если от дисциплинированности каждого зависит благосостояние (не только материальное!) всех и если ребята сами могут участвовать в установлении границ этой дисциплины. Что же касается опасений самосуда, то за него может быть наказан весь коллектив. Ни в колонии Макаренко, ни в детских домах, работающих по его системе, самосудов не было и нет.

Относительно разговоров о якобы военизированном характере воспитания колонистов можно с уверенностью сказать, что это был просто антураж, привлекательный для подростков того времени. А «железная» дисциплина выражалась в ее неукоснительном соблюдении, поскольку сами ребята были в

ней заинтересованы. Вспомним, что ни одно из наказаний, применяемых в колонии, не было унижительным. Самое суровое — бойкот — применялось крайне редко.

В 60-е годы мне посчастливилось несколько раз погостить в детском доме, которым руководил Семен Калабалин, воспитанник, ученик и последователь Антона Семеновича (тот самый Сенька Карабанов из «Педагогической поэмы»). После выхода в свет книг Ф. Вигдоровой, посвященных этому замечательному человеку, мне предложили сделать радиопередачу о его детском доме. Так я оказалась в этом удивительном детском царстве.

Детский дом располагался в селе Клейменово под Егорьевском (Московская область). Имелось большое хозяйство: кролики, поросята, огород, фруктовый сад. Работали разные мастерские. Доходами от продажи живности распоряжались сами ребята (овощи и фрукты шли на стол). Помню заседание совета командиров, на котором обсуждалось, как использовать деньги, полученные за проданных кроликов. Ребята решили единогласно: часть денег отложить на помощь тем, кто в этом году поступит в вузы и техникумы, а на остальные съездить в Москву. В следующий раз решили доход от реализации швейных изделий пустить на «двойную порцию киселя за обедом, а малышам — побольше конфет». Не могу забыть заседания совета, где решалось, как наказать нахватавшего двоек мальчишку. Постановили: отлучить от ухода за поросятами, пока не будут исправлены двойки. Не помогло даже заступничество любимой воспитательницы Галины Константиновны — жены Семена Афанасьевича, его соратницы и помощницы (той самой Галки Черниговки из «Педагогической поэмы»).

Кстати, выбирались командиры по всем демократическим правилам: кандидатов — несколько (кого предложат отряды), голосование — тайное. (Это было одной из причин недовольства чиновников: «Развели демократию! Мало ли кого дети навывают!»).

Самообслуживание в детдоме было почти полным (из взрослых рабочих — только повариха). Дежурные сами развешивали масло и раскладывали его по масленкам (как в семье!) на каждый столик, сами клали конфеты в вазочки, наливали кисель, насыпали в сахарницы песок. Это исключало возможность «недовложений»: кто же станет воровать у себя и своих товарищей? Чистили овощи, мыли посуду, убирали тоже дежурные.

Не было в доме нелепых запретов: малыши свободно бегали по коридорам, за едой ребята негромко переговаривались («А разве в семье люди за общей трапезой молчат?» — говорил Семен Афанасьевич. Да и не приняли бы ребята такого запрета).

Немного о коллективной ответственности. Как-то во время сеанса в егорьевском кино-

театре кто-то из воспитанников громко свистнул. Семен Афанасьевич тут же увел всех. Ребята даже не стали выяснять, из-за кого им не удалось досмотреть фильм. Но больше такое никогда не повторялось.

Сельские женщины отзывались о детдомовских так: «Такие ребята культурные, воспитанные. Слова худого от них не слышно или чтобы там курили... Поздороваются всегда. Вот бы нашим мужикам с них пример взять».

В детском доме воспитывались и обычные сироты, и ребята, поступившие из колоний (там с ними не могли справиться!). Семен Афанасьевич не делал никаких различий между ними. Он понимал: несовершеннолетний правонарушитель — это просто ребенок, у которого не было нормального детства, испытывший жестокость родителей или их равнодушие.

Никто не спорит — любой вид семейного воспитания (в том числе патронажные семьи, семейные детские дома, деревни SOS) лучше самого хорошего детдома. Но пока детские дома, интернаты и колонии для несовершеннолетних существуют, выход из создавшегося положения я вижу только в том, чтобы они работали по системе Макаренко. Там дети чувствуют себя комфортно, никуда не убегают и выходят в жизнь достойными людьми.

Караул у знамени колонии. Фото А.С. Макаренко

А.М. Горький в гостях у колонистов. Фото А.С. Макаренко